

Алексей Смирнов

Аты - баты

Алексей Евгеньевич Смирнов родился в Москве (1946). По окончании Московского химико-технологического института им. Д. И. Менделеева (1970) поступил в Институт кристаллографии АН СССР (позже РАН), где вел исследования в области физики прочности и пластичности материалов. Поэт, писатель, историк литературы, переводчик. Автор многих поэтических сборников, в том числе «Спросит вечер», 1987; «Дашти Марго», 1991; «Кораблик», 2007; «Зимняя канавка», 2012; «Избранное», 2016. Автор-исполнитель цикла передач «Звезды поэзии на музыкальном небосклоне» (музыкальное радио «Орфей»). Публикации: «Новый мир», «Знамя», «Вопросы литературы» и др. Лауреат Литературной премии имени Чехова.

Искусство и война

Не художнику включаться в полемику интересов. Интересы не его поле. Интересы – поле политика и воина: поле брани.

Не художнику, обнажая меч, мнить себя рыцарем, укрощающим дракона во имя добра. Интересы не знают рыцарства. Их круг материален и меркантилен. Его заполняет баланс куплей-продаж. Зло они умножают злом. Здесь дракон борется с драконом, темное с темным. Победы покупаются у одного врага и продаются другому. Мир выторговывается. Торг венчается сговором.

Ключевое слово войны – *враг*. Карма его ужасна. Враг – образ тьмы. Черная доска. Черная дыра. Она источает враждебность и вселяет ее. Ненависть становится состоянием духа по обе стороны от линии фронта.

Вопреки расхожему мнению, война не продолжение дипломатии, а свидетельница переговорной безысходности.

Ключевое слово искусства – *друг*. Друг есть икона света. Отсюда дружелюбность как душевное расположение.

Война оскверняет икону света и ставит на ее место черную дыру.

Но искусство противостоит войне. Именно искусство, а не наука, не техника. Они кормятся с ладони войны, особенно когда вместе с войной изощряются в ремесле упразднения материи.

Шестидесятники считали, что задача поэта, поглощая тьму, излучать свет. Это иллюзия. Из тьмы рождается тьма. А свет порождается светом.

Искусство не всеильно. Поэт, как призма, способен разнять солнечный луч на семицветье, но луч, а не потоки тьмы.

Поэт, как дождевая капля, способен преломлять нити солнца, но светонесные нити, а не клубящийся мрак.

Искусство не совпадает с войной так же, как жизнь со смертью. Пафос искусства сугубо антивоенный. А из неизбежности войны-смерти мы не вправе лепить кумира для славословий ему, для его оправданий.

Героизация войны так же нелепа, как героизация чумы.

Искусство и война несовместимы как свет и склеп. Как свобода странствий и пядь земли, заваленная могильной плитой.

Война разъединяет, у нее одни выживают за счет других. Искусство сплачивает, в нем не выживают, а живут, и те и другие.

Искусство дышит волей правды, война дышит страстью лжи.

Порча, исходящая от искусства, изживается. Порча, исходящая от войны, не заживает.

Искусство было славно в коленах минувших и будет в грядущих, война была проклята в коленах минувших и будет в грядущих.

Аты-баты

Софье Захаровне Федорченко –
собирательнице книги «Народ на войне».*

1.

Господа благодаря,
Мы остались без царя.
А с башкой тугой, как медь,
Хорошо б его иметь.

А увидит, дьявол, девку –
Весь извертится вокруг.

2.

Всё на фронте слава Богу:
Дружно, справно, глухо.
Окропил дождок дорогу,
А в окопе сухо.
Для поправки пью настой.
Каждый вечер – ужин.
Лазарет у нас пустой...
Правда, морг загружен.

4.

Запретила мать в бандиты
Мне идти и весь вопрос.
А то сколько б ей добрища
Из бандитов понанес -
О-ё-ёй!..

3.

Вот – француз. Хоть враг, хоть друг.
Стал, как пень, воткнув каблук.

5.

Не люблю я баб горластых,
Стук колес дрезиновых.
А люблю я машинисток
В ботиках резиновых,
Губки их люблю и зубки
В ротиках разинутых.

6.
Пляшет – лапь ее, как хошь,
Лишь визжит да скачет.
А без музыки прижмешь –
Сразу и заплачет.

7.
Старший в белых, младший в
красных,
Средний вроде казака.
Разорвали сердце мамке
Сыновья на три куска.

8.
Сокол-баба, царь-держава
Меня в строгости держала.
Опоздай на пять минут –
Спит с другим. Не баба – кнут.

9.
Кто анархист, кто коммунист,
Поди, удумай, Федя.
Чей паровоз? Где машинист?
Кто топит, тот и едет!

10.
Пошабашим из орудий
Сволочь красную долбать,
По девичьей белой груди
Будем жемчугу катать!

11.
Мой миленок не налим,
А попробуй сладить с ним.
До того, собака, склизкий –
Как обмылок! Хоть и Клим.

12.
Закусили ветчиной,
Благодаря диспетчера.
Ночевали ничего,
Выспались до вечера.

13.
Богом клялся, как отец.
По губам возил слова.
А продал за леденец,
Как паршивая халва.

14.
Под ногою хрустнул хворост.
С одного овса заржешь.
Слово вытянешь, как волос,
А назад не запихнешь.

15.
Бриллиантики к щекам
Изнутри приклеила,
Так во рту и провезла –
Курва шепелявая.

16.
Можешь мне так, Никанор,
Натолочь таблеток?
Не жалею никого,
Кроме малолеток.

17.
Чтобы сняло, как рукой,
Если опрыщавели,
Голый в полночь над рекой
Поваляйтесь в щавеле.

18.
Закатал ее в бушлат,
Как змею, обузил.
Всё равно она ушла –
Перегрызла узел.

19.
Гром ли грянет, ветер вздует,
Над водой бугай тоскует.
Ухо просит тишины:
Надорвалось от войны.

20.

Где-то – хрусть! – сучок,
И вода слышна.
Соловей: чок-чок...
Ти-ши-на.

21.

Тётки прячут офицеров –
Молодых полковников.
На погончики липучи
Бородавки старые.

22.

Любит грязь попасть под дождь.
В слякотищу мельник
Шел по глине без подошв,
Без муки, без денег...

23.

Мой гнедой с репьями в гриве!
Вытворяю, что хочу.
Я, как бомба на разрыве,
Аж от ярости шкварчу.

24.

Стань, отъешься. Куры, козы.
Изогни на бабу бровь.
Баба в ноги, баба в слезы –
Тем сладчей тебе любовь.

25.

Пузырями пучит жизнь,
Кашей боевою.
Из котла взлетел пузырь
И кричит: «За мною!»

26.

Облегчать я баб горазд
От излишка.
Баба взвизгнет и отдаст
Бараклишко.

27.

Марширует босота,
Лишь начальник в ботах,
Как приказчик, – кость о кость, –
Щелкает на счетах.

28.

Показать свои заплаты,
Пошукать какой товар,
Аты-баты, шли солдаты,
Аты-баты, на базар.
Хоть и бороды-лопаты,
А нарвались на хазар
И вернулись, обобраты,
Аты-баты, до казарм.

29.

Белой моли не жалею,
Не горюю над чинами.
Как с братаном начинали,
Так всю жизнь мы эти бомбы
Только чем ни начиняли...

30.

Нуют косточки к дождю,
В грамоте плутаю.
Говорить нельзя: «Си-дю».
Почему? Не знаю.

31.

Хороши бывают танцы,
Если пушки заворчат...
Как шарахнуло по крыше –
Потолок на нас потек.
Моя барышня со страху
Обомлела на руке.
Электричество потухло.
Еще стало веселей!

32
Беду-горе заверчу,
Занесу порошею,
Если к ночке закручу
Барышню хорошую.

33
На войне не до любви
И не до пороши,
Только хлюпают в крови
Дранные калоши.

34
Спробуй ради антиресу
Объегорить продотряд.
Хорошо тикать по лесу,
Если в спину не палят.

35
Матросня травила порохом
На груди пахабных змей.
Я пошла с бандитом Борухом,
А ты с Варькою не смей!

36
Самовар врага сияет.
Медь натерта кирпичом.
Враг из дому – шмыг! – сеня-
ми...
Но достанем, припечем.

37
Напустили в погреб дым –
Жгли нас, жгли, а не горим.
Утопить взялись – ишь как! -

Хлоп, и лопнула кишка.
Заодно с Галиною
Закидали глиною.
Но и мы не утюги.
Откопались. Утекли.

38
Мой младшой в шпионах служит.
Служит очень хорошо.
Обходительный, учтивый,
И приятный и чутливый.
Всё до семени у дам
Вызнаёт: кто тут? Что там?

39
Генерал не доучел,
Что споров лампасики,
Станет квасить диких пчел
По горам на пасеке.

40
Хорошо живут татары.
Жёны – тихая туфля.
Море синее до неба,
Виноградная земля.

41
Скучно с вами пить вино
Мне, товарищ Жмуров.
Ни театров, ни кино,
Ни миниатюров.
Я из хлебушка – а то? -
Пока были во поле,
Дуракам слепил лото,
А пришли – и слопали.

* Софья Захаровна Федорченко (1880 – 1959) служила сестрой милосердия на фронтах Первой мировой и Гражданской войн. Ее книга «Народ на войне» является, по-видимому, примером стенографически точных записей, сделанных по памяти. Эти материалы и легли в основу поэмы «Аты-баты». (А. С.)